КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 14004 УДК 811.111:355/359

Данилова Светлана Анатольевна,
аспирант кафедры английского языка ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет», г. Псков
f-Rex@yandex.ru

Дискурсивные характеристики военного ритуального текста

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы выделения военного дискурса как институционального и особенности ритуальных текстов военного дискурса. Предлагается номенклатура характеристик, которые можно применить для анализа ритуального военного текста.*
Ключевые слова: *дискурс, военный институциональный дискурс, дискурсивные характеристики, ритуальный текст.*
Раздел: *(05) филология; искусствоведение; культурология.*

В настоящее время институциональный дискурс является объектом междисциплинарных исследований. В самом общем виде под институциональным дискурсом в лингвистике понимается дискурс, обслуживающий общественные институты. В более детальной трактовке институциональный дискурс – это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [1, с. 191], «предельно широкое понятие, охватывающее как языковую систему <…>, так и речевую деятельность в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, и текст» [2, с. 10]. Проблема исследования институциональных дискурсов пока еще находится в начальной стадии разработки. Некоторые типы институционального дискурса изучены лучше, например, политический дискурс, PR-дискурс, другие – несколько хуже медицинский дискурс. К последней группе относится и военный институциональный дискурс.

По нашему мнению, причины его недостаточной изученности лежат в исторической плоскости. В недавнем прошлом информация, связанная с деятельностью армии и других военных организаций, была засекречена, что существенно ограничивало, а порой и делало невозможным изучение, в частности, коммуникации внутри профессионального сообщества лицами, не являющимися его членами. Последствия этого до сих пор не преодолены окончательно, отсюда и определенная осторожность, с которой исследователи подходят к проблеме военного институционального дискурса. При этом следует заметить, что в последние 10 лет появились работы, посвященные исследованию, например, жанрового пространства и коммуникативных стратегий, используемых в военном дискурсе Д. Р. Фахрутдинова, его структурных особенностей Т. С. Юсупова, общения в этой разновидности дискурса Б. М. Галиев.

Статус военного дискурса как институционального обусловлен его социальной функцией и это положение у большинства исследователей не вызывает возражения. Основная характеристика любого институционального дискурса заключается в том, что он служит организации общения в профессиональной среде данного института, нашем случае – в вооруженных силах и других военных организациях. Под социальным институтом понимается «властная инстанция, которая управляет иерархией статусных ролей, осуществляет статусно-ролевой позиционирование основных субъектов социального института» [3, с. 193]. Социальный институт «внешне представляет собой совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию» [4, с. 42]. По мнению многих современных лингвистов М. Ю. Олешков, Р. Водак, А. П. Чудинов,

Е. И. Шейгал, О. Л. Михалева, В. И. Карасик и др. общение в рамках того или иного института носит статусно-ориентированный характер и призвано «закрепить отношения власти» [5, с. 62]. Отличия военного дискурса от других типов институциональных дискурсов обусловлены экстралингвистическими особенностями коммуникативной ситуацией и заключаются в следующем: типовыми участниками, как правило, является пара «офицер или солдат», либо «вышестоящий илинижестоящий», т. е. в рамках данного типа дискурса осуществляются иерархические отношения; целью – организация деятельности по обеспечению безопасности государства от внутренних и внешних угроз; ценностями – верность присяге и воинскому долгу, высокая выучка, боевое мастерство и т. д.; хронотопом – любое время и место, где осуществляется учебная либо реальная боевая деятельность по защите государства и его интересов. Как и любой институциональный дискурс, военный дискурс обладает особыми, только ему присущими жанрами, стратегиями, дискурсивными формулами и прецедентными текстами.

Структура военного дискурса является предметом дискуссий в научной среде. Как правило, не вызывает споров положение о том, что ядром военного дискурса является статусно-ориентированный дискурс профессионалов. Но любой институциональный дискурс допускает также и личностно-ориентированное общение, которое иногда переплетается со статусно-ориентированным. В связи с этим исследователями активно обсуждается роль личностного аспекта в военном институциональном дискурсе, а также дискурсивный статус высказываний военных и политиков о войне, военно-художественной литературы, военной публицистики и материалов военно-политического, военно-технического и военно-научного характера.

Б. М. Галиев полагает, что военный дискурс – это «дискурс о войне как в традиционной, так и в современной ее формах» [6]. На наш взгляд, это чрезмерно широкая трактовка: в таком случае в военный дискурс нужно включать и рассуждения о войне и военной службе непрофессионалов т. е. лиц, не знакомых с военной службой, что, по нашему мнению, не соответствует статусу институционального дискурса.

Т. С. Юсупова в составе военного дискурса выделяет две части: формальный военный дискурс и неформальный. Промежуточное положение между этими двумя частями занимает все, что посвящено военной тематике в художественной литературе, публицистике и т. п. [7, с. 1055]. Безусловно, художественная литература и публицистика, посвященные войне, входят в структуру военного дискурса, понимаемого в широком смысле этого слова. Но мы полагаем, что правомернее было бы говорить не об их промежуточном, а об их периферийном положении, т. к., на наш взгляд, и художественная литература, и публицистика являются «производными» от вышеупомянутых двух частей военного дискурса и имеют дополнительный характер.

По мнению Д. Р. Фахрутдиновой, основу военного дискурса составляет его институциональный компонент; доля же личностного компонента, напротив, не так уж велика, но, тем не менее, он проявляется в идее того, что исследователь называет «разговоры на тему» и «анекдоты на тему»: здесь военный дискурс пересекается с бытовым дискурсом. Кроме того, военный дискурс пересекается и с бытийным, «в зоне пересечения… оказываются военная мемуаристика, вся литература о войне <…>, аналитические статьи соответствующего содержания» [8, с. 262]. Нам близка данная точка зрения и именно она будет использоваться в исследовании.

В данной работе мы выдвигаем тезис о том, что к военному дискурсу относятся все высказывания, отвечающие следующим критериям:

– авторами высказываний являются люди, профессионально занимающиеся военным делом;

Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

– темами высказываний являются военные действия; функционирование военных организаций; жизнь и деятельность военнослужащих, сотрудников внешней и военной разведки и контрразведки, органов, обеспечивающих безопасность государства от внешних и внутренних угроз, Национальной Гвардии, пограничной службы и т. п.

Предлагаемая в данной работе номенклатура характеристик текстов военного дискурса составлена по аналогии с номенклатурой проф. А. П. Чудинова, применяемой для анализа политического дискурса [9, с. 54–57], и включает в себя:

– авторство – кому принадлежит текст или высказывание;

– адресность – кому текст или высказывание предназначены;

– доступность – доступны текст или высказывание всем либо узкому кругу посвященных;

– информативность – несут текст или высказывание новую информацию либо констатируют уже известное;

– оценочность – даются ли в тексте или высказывании какие-либо оценки сообщаемым фактам;

– институциональность – как соотносятся в тексте или высказывании личностный и статусный компоненты;

– полноту информации доводится информация до адресата в полном, либо в свернутом, редуцированном виде.

В качестве материала для анализа использованы речи высокопоставленных должностных лиц НАТО: Генерального Секретаря НАТО Андерса Ф. Расмуссена, Председателя Военного Комитета адмирала Джампаоло Ди Паола, постоянного представителя США в НАТО И. Даальдера и заместителя Генерального Секретаря НАТО Александра Вершбоу. Они относятся к ритуальному\эпидейктическому типу, основная цель которого – интеграция, объединение. Ведущие признаки эпидейктической риторики были перечислены еще Аристотелем: это должна быть хвалебная речь, произнесенная по торжественному случаю, которая соотносится с настоящим временем и в которой используется возвышенный стиль [10].

Следует заметить, что термины «ритуальная риторика» и «эпидейктическая риторика» являются синонимичными, многие современные исследователи: Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, О. Л. Михалева и др. отдают предпочтение первому из них. Ритуальная речь характеризуется преобладанием фатичности над информативностью; она, как правило, не содержит полемических высказываний, акцентирует внимание на том, что уже известно аудитории. Можно сказать, что это – «речь ради речи», когда сам факт ее произнесения приобретает большее значение, чем содержание [11]. В военном институциональном дискурсе произнесение такого рода речей часто сопровождается определенными церемониальными действиями: выносом знамени, прохождением торжественным строем, общим построением и т. п.

Ритуальность торжественной речи будет далее рассмотрена в аспекте ее соотношения с информативностью.

Перейдем к исследованию других характеристик анализируемого материала.

Одной из ведущих дискурсивных характеристик любого текста является авторство. Профессор А. П. Чудинов выделяет следующие случаи с определением автора:

– создатель текста и официальный автор – одно и то же лицо;

– создатель текста и официальный автор – разные люди;

– формальное отсутствие авторства;

– институциональный статус автора [12, с. 54].

В данном случае официальными авторами, т. е. людьми, которые несут ответственность за сказанное, являются Генеральный Секретарь НАТО, Председатель Военного Комитета НАТО, постоянный представитель США в НАТО и заместитель Генерального Секретаря НАТО. Но маловероятно, чтобы лица такого ранга сами писали тексты своих выступлений; обычно этим занимаются референты. Соответственно, в данном случае мы имеем дело, скорее всего, со вторым вариантом определения авторства: создатель текста и официальный автор – разные люди.

Авторство как дискурсивная характеристика не имеет каких-либо специфических форм актуализации, присущих исключительно военному дискурсу.

Следующая дискурсивная характеристика, важная для анализа любого текста, – это адресность, т. е. кому адресован данный текст. Адресатом могут быть широкие массы – массовый адресат, группы людей – групповой адресат, либо конкретный человек.

В нашем случае в анализируемых речах очевиден групповой адресат, т. е. лица, присутствующие на данных торжественных мероприятиях. В большинстве речей групповой характер адресата явствует из самих обращений ораторов: «Generals, Admiral, Monseigneur, Ladies and Gentlemen», «Your Excellencies, Ladies and Gentlemen», «General Casey, Ladies and Gentlemen», «Mr.President, Ministers, Excellencies, Ladies and Gentlemen», «Ladies and Gentlemen», «Minister, Excellencies, Soldiers, Ladies and Gentlemen», «Minister, Vice Minister, Excellencies, Ladies and Gentlemen». Однако есть и отступления от этого правила. Так, в речи по случаю 60-летия Колледжа Обороны НАТО, произнесенной адмиралом Джампаоло Ди Паола, обращение как таковое отсутствует: автор сразу излагает цель своего выступления: «I would like to commend the NATO Defense College for 60 years of outstanding service…». По этому же принципу строит свое выступление и постоянный представитель США при НАТО: его речь, посвященная 10-летию событий 11 сентября 2001 года, начинается не с традиционного обращения, а с констатации того факта, что «A decade of time hasn't removed the sting of what happened in America ten years ago…». Еще в двух анализируемых речах при явной направленности на присутствующую аудиторию авторы адмирал Джампаоло Ди Паола и генсек НАТО Андерс Ф. Расмуссен открывают свои выступления обращением к отдельным лицам: «Thank you very much, Chihangir, for the kind introduction…», «Mr.Mayor – thank you very much indeed for being here with us tonight. Ruth Slottag and David Vaught – please accept my thanks for pulling tonight's event together…». Можно предположить, что таким образом ораторы попытались несколько смягчить официальность за счет привнесения личных мотивов и отношений.

Говоря об адресности, следует заметить, что для военного институционального дискурса характерно четкое указание на статус адресата: обязательно употребление лексических единиц (ЛЕ), именующих его статус, воинское звание, категорию либо должность. В наших примерах это ЛЕ «Mr. President», «Generals», «Admiral», «Minister», «Vice Minister», «Excellencies». Однако исследуемый материал показывает, что данное требование не всегда соблюдается. Очевидно, это зависит от характера торжественного мероприятия и степени однородности аудитории: чем больше институциональность мероприятия, тем однороднее аудитория и тем строже соблюдение правил обращения, характерных для военного дискурса. Мероприятия более общего характер позволяют выступающим выражать свои личные эмоции и обращаться к конкретным людям.

В целом для ритуальных военных текстов характерен групповой адресат, при экспликации которого отсутствует конкретизация отдельных личностей, а слушатели классифицируются по нескольким признакам: воинское звание, социальная стратифи-

Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

кация, гендер. Использование грамматических форм единственного и множественного числа позволяет читателям или слушателям определить состав аудитории. Такое начало текста речи соответствует требованиям военного дискурса о четком указании на статус адресата.

Далее необходимо остановиться на соотношении таких характеристик, как общедоступность текста и его эзотеричность, т. е. понятность только специалистам. Неотъемлемым элементом любого институционального дискурса является язык или подъязык [13, с. 14]. Язык военных является специализированным языком для профессиональных целей, т.е. языком для «посвященных». Это означает, что ему по определению должна быть присуща эзотеричность. Однако спецификой ритуальных типов текстов является то, что они предназначены для широкой аудитории. Соответственно, тексты создаются таким образом, чтобы быть понятными и для неспециалистов. Но, поскольку в военном дискурсе доступность той или иной информации жестко регламентируется соответствующими документами, приказами, инструкциями, правилами допуска к государственной тайне и т. д., внешняя понятность военных ритуальных текстов сопровождается их смысловой расплывчатостью. При этом широко используются клише, эвфемизмы и лексические единицы широкой семантики «global security», «first and primary task», «key areas», etc.

Например, характеризуя новую стратегическую концепцию НАТО и отвечая на вопрос «But what will be new?», адмирал Джампаоло Ди Паола говорит о «…three key aspects: collective defense and deterrence, crisis management and promoting international security through active engagement». Генсек НАТО А. Ф. Расмуссен, рассуждая о мерах, предпринимаемых для модернизации этой организации, говорит: «These measures will help us to engage our partners even more effectively in meeting the new security challenges – such as terrorism, proliferation, cyber and energy security. And they will help us to connect with new, global partners». Примечательно, что авторы не считают нужным уточнить, что они подразумевают под «active engagement», «crisis management», «these measures» и «new, global partners». Словарные толкования таких ЛЕ как «engagement», «measures», «management» так же довольно расплывчаты. «Engagement» – это «an arrangement to do smth or go somewhere at a fixed time; an action of engagement or being engaged; a fight or battle between armed forces». «Measure» толкуется как «a plan or course of actions taken to achieve particular purpose; a legislative bill; punishment or retribution imposed or inflicted on someone». В свою очередь среди значений ЛЕ «management» приводятся такие, как «the process of dealing with or controlling things or people; the responsibility for and control of a company or similar organization; the people in charge of running a company or organization; the treatment or control of diseases, injuries or disorders; trickery, deceit». Обобщая вышеприведенные словарные толкования, можно сделать вывод, что данные ЛЕ могу обозначать и действие, и деятельность, и процесс, и результат, и обусловленное действием либо процессом состояние. Т. к. семантика словосочетаний с данными ЛЕ чрезвычайно широка, их конкретное смысловое наполнение зависит от экстралингвистических факторов: политической ситуации, исторических условий, соотношения сил в военных конфликтах и т. п. Чтобы понять, что имеется в виду, нужно обладать широким диапазоном специальных знаний, т. е. относиться к числу «посвященных».

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующий вывод: несмотря на внешнюю доступность, военные ритуальные тексты являются эзотеричными в силу присущей им смысловой неопределенности.

Немаловажной характеристикой любого текста является соотношение ритуальности и информативности. Под информативностью при этом понимается наличие в

тексте новой, ранее не известной информации. В данном случае мы имеем дело с ритуальными текстами обобщающего характера, где отсутствует установка на новизну, отдается предпочтение фатическому аспекту. Авторы подчеркивают ведущую роль НАТО в системе глобальной безопасности: «NATO's fundamental nature and purpose», «the Alliance's first and primary task», «the essential forum», «important political and military instruments», «a key contribution to those international efforts», etc. Адмиралы рассуждают о неоценимом вкладе в успешное функционирование этой военно-политической организации Колледжа Обороны НАТО: «the three main important key functions of this institution <…>: educating people, military and civilian, involved in strategic issues; opening doors and minds to others <…>; and shaping our future through in-depth research» – Джампаоло Ди Паола; «NATO's foremost academic center», «a link between the military and academic communities», «The College has played a key part in sustaining the common values, common approaches and common ideas that underpin everything we do <…>» – А. Ф. Расмуссен; говорят о значении для НАТО событий 11.09.2001. : «a time when our commitment to defend one another was severely tested», «the comfort of your friendship, shown in ways large and small», «<…> our ultimate security lies in our resilience of community» – постоянный представитель США в НАТО И. Даалдер; «<…> we acted to deny extremists their haven in Afghanistan», «<…> the mission of the Alliance is not only to protect those who enjoy freedom, but to provide inspiration, and at times protection, to those who desire freedom» – А. Ф. Расмуссен. Не трудно заметить, что для характеристики самого Альянса и его действий авторы очень часто используют такие ЛЕ как «key», «important», «fundamental», «essential», «foremost», etc. Анализ семантики данных ЛЕ показывает, что все они содержат оценочный компонент «important», компонент усиления качества «very» и эмотивный компонент «passionate». Выбор таких ЛЕ и активное их использование имеет своей целью воздействие на адресата с тем, чтобы создать у него желаемую картину описываемых событий и желаемое к ним отношение.

Установка на фатику предполагает воздействие на эмоции читателя или слушателя, поэтому для создания торжественного, приподнятого настроения, для пробуждения чувств гордости, благодарности, солидарности и т. п. авторы используют эмоционально окрашенную лексику с компонентами «extremely bad, cruel, unpleasant», вызвающими эмоциональную реакцию осуждения, порицания, протеста; «their haven in Afghanistan», «his terrible ideology of conflict», «the quagmire of conflicts and animosities», прибегают к метафоре; «opening doors and minds», «the architect of the 9/11 atrocity», «the beginning of a long winter in world history», применяют такие приемы синтаксиса, как анафора; «Let us unite in the vision of peaceful coexistence and fruitful collaboration», «Let us build a future of individual liberty and mutual tolerance», «Let us stand united against those who will drag us into the quagmire of conflicts and animosities», парцеллированные и параллельные конструкции; «There, we will reaffirm that the mission of the Alliance is not only to protect those who enjoy freedom, but to provide inspiration, and at times protection, to those who desire freedom. To the Afghans who believe in their right to live safely. To the Libyans who believe in their right to vote democratically». При этом выявляется следующую закономерность: чем более резонансным является событие, по поводу которого произносится речь, тем более яркой, экспрессивной, насыщенной стилистическими приемами эта речь становится.

Наряду с ритуальностью и информативностью, необходимо проследить, как в данном тексте соотносятся такие характеристики, как институциональность и личностный аспект. Следует отметить, что анализируемые тексты, являясь типичным представителями ритуального жанра институционального дискурса, демонстрируют явное

превалирование институциональности. Авторы текстов и ораторы – представители не только армии как общественного института, но и высокопоставленные должностные лица НАТО. Слушатели – офицеры НАТО, лица, обучающиеся в Колледже Обороны НАТО, грузинские военнослужащие, возвращающиеся после выполнения боевых задач в Афганистане. Здесь общение идет по линии «представитель института – представители института». Темы сообщений – роль НАТО в современном мире и стоящие перед Альянсом задачи; достигнутые результаты и новые перспективы в подготовке молодых офицеров и гражданского персонала в Колледже Обороны; заслуги грузинских военных в выполнении миссии в Афганистане и будущая помощь Альянса народу этой страны. При этом нужно отметить активное использование терминологии: interoperability, operational tempo, reconnaissance and surveillance assets, Smart Defense initiative, etc., обусловленное институциональным характером выступлений. Общение осуществляется в сугубо официальном ключе. Лишь несколько раз ораторы позволяют себе смягчить официальность: обращение к слушателям «my friends», выражение благодарности адмиралу Джорджу Джоулвану за приглашение выступить, заявление своей персональной позиции; «I've often said and will repeat it again this evening, that…», «So what do I see as NATO's future role?», «I will close by re-emphasizing that…» – со стороны адмирала Джампаоло Ди Паола; выражение личного мнения генсеком НАТО А. Ф. Расмуссеном: «I believe there are two issues that…», «I am convinced that…», «I want to say…», etc. Такое соотношение личностного и институционального аспектов является характерной чертой именно военного дискурса: личностное либо исключается полностью, либо выносится на периферию.

Однако и здесь можно проследить зависимость данного соотношения от характера аудитории и от общественной значимости события, которому посвящена та или иная речь. Так, выступления А. Ф. Расмуссена по поводу 10-й годовщины событий 11 сентября 2001 года и по поводу Дня Победы в Европе, обращены не только к военным, но и к гражданским лицам, т. е. могут рассматриваться как общение по линии «представитель института – граждане», и носят высокоэмоциональный характер. Автор не только выражает свое собственное отношение к указанным событиям, но и делится личным опытом, личными переживаниями: «I shall never forget my first visit to the concentration camp of Auschwitz», «A few years ago I visited Normandy. I saw the many thousands of white crosses…», «Yesterday I had the opportunity to visit wounded US service personnel…». А. Ф. Расмуссен обращается к слушателям-ветеранам: «You defended the freedom of Europe», «You made it possible for future generations to enjoy peace and democracy»; рассказывает о современных военных: «Our men and women in uniform demonstrate <…> our solidarity…», «Men and women who stood, and were wounded, on the front line». Сопоставление и связь прошлого с настоящим достигается при использовании референциальных возможностей личных местоимений: «you/the veterans» – «they\men and women in uniform» – «we/the people»; единство перед лицом новых угроз и опасностей обозначается при помощи активного использования т. н. «we-inclusive»: «And we resolved to find the extremists…», «And we acted to deny the extremists their haven in Afghanistan», «<…> we walk this road shoulder to shoulder». Для достижения эмоционального эффекта возбуждения в слушателях чувства гордости, единения, причастности к упоминаемым событиям автор не только широко применяет высокую и официальную лексику, но и прибегает к таким стилистическим приемам, как синтаксический параллелизм и анафора: «We saw it when Allied soldiers waded onto the beaches of Normandy», «We saw it when people took to the streets demanding their

Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

rights…», эпитеты: «fruitful collaboration», «a vicious assault», «a harrowing memory», метафора: «<…> the American servicemen who stormed the beaches», «the flame of freedom». Параллельные и анафорические конструкции придают тексту речи определенную ритмическую организацию, акцентируют внимание на идее сопричастности – повтор «we saw», подчеркивают равнозначность событий, описываемых в обеих частях параллельных конструкций. Можно предположить, что подобные отступления от строгих регламентаций военного дискурса объясняются тем, что в данных условиях руководители НАТО выступают не только как военные, но и как политики, а анализируемые речи находятся в зоне пересечения военного и политического дискурсов. Кроме того, проанализировав тексты выступлений, мы приходим к выводу, что личностный аспект гораздо ярче проявляется в выступлениях лиц, чьи должности носят скорее представительский либо политический характер, чем военный Генсек НАТО, постоянный представитель США в НАТО и т. д.

В связи с торжественным характером анализируемых речей, авторы не упоминают о военных и политических неудачах Альянса, имевших место в его истории, а концентрируют внимание на успехах, достижениях и задачах, требующих решения: «NATO forged a bond between America and Europe that still endures today», «These brave men put their lives on the line to protect our security», «We have offered a wide range of opportunities for political dialogue and practical cooperation» – А. Ф. Расмуссен; «In the future NATO will have to deal with asymmetric threats <…>», «Increasingly, NATO also works with partners and other troop contributing countries in its operations», «An important component of NATO's military transformation is a reform of NATO Agencies and the NATO Military Command Structure» – адмирал Джампаоло Ди Паола; «Despite our loss, we have spent the last ten years in action <…>», «We have continued to build on what has always made us strong: our partners, our freedom, our spirit, and our community» – И. Даальдер, «Instead of being deployed on operations, we will need to be prepared for operations and other contingencies. We will need to find new ways to maintain the readiness and interoperability that we have gained during nearly two decades of operations in the Balkans, Afghanistan, Libya and other theatres» – заместитель Генерального секретаря НАТО А. Вершбоу. Подобное подчеркивание успехов и достижений при умалчивании фактов неудач можно рассматривать, как проявление неполноты или схематизации информации, по терминологии профессора А. П. Чудинова. Полнота или неполнота информации – важный дискурсивный признак. Обычно неполнотой отличаются тексты, предназначенные для неспециалистов, широкой публики, и это объяснимо: излишние детали могут затруднить понимание и воспрепятствовать формированию желаемой картины. Здесь речь идет об устранении информационной избыточности: «усекается» информация, которая и так известна слушателям в силу их профессионального статуса. Объяснение можно предложить следующее: это делается для того, чтобы не омрачать торжественность момента, для поднятия духа и для осуществления намерения интеграции, в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к ритуальным или эпидейктическим жанрам.

Кроме того, следует заметить, что неполнота информации – важная дистинктивная характеристика военного институционального дискурса: в соответствии с требованиями военного законодательства полностью всей информацией владеют только весьма немногочисленные лица, имеющие на то особые полномочия.

В тесной связи с указанными характеристиками стоит оценочность текста. В данном случае речь идет об оценочности эксплицитной и только положительной по отно-

Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

шению к НАТО, его военнослужащим и его действиям, выраженной при помощи возвышенной лексики с крайне положительной коннотацией, со значением совместности, единства, а также и при помощи суперлативов и элятивов: «the Alliance has a vital role to play», «a never-closer partnership», «an ambitious Strategic Concept» – адмирал Джампаоло Ди Паола; «an exceptional service for freedom and peace», «our most cherished values», «the highest levels of service», «those who have paid the ultimate price», «NATO's successful efforts to safeguard our freedom and security», «You <…> have done a great job», «You are a credit to your entire country» – А. Ф. Расмуссен.

Наряду с этим, в текстах присутствует и отрицательная оценочность – по отношению к военным и политическим противникам НАТО, террористам и т. п. Оценочность со знаком «минус» передается при помощи лексики с резко отрицательной коннотацией, с компонентами дистанцированности, отчужденности, пейоративности: «rogue states», «errorists», «extremist militant groups», «international terrorism», «terrorist networks», «regions of concern», «extremist groups», «certain states» – адмирал Джампаоло Ди Паола, «the tyranny beyond imagination», «the 9/11 atrocity», «his terrible ideology of conflict», «the quagmire of conflicts and animosities» – А. Ф. Расмуссен. Семантика таких ЛЕ как «terrorist», «extremist», «tyranny», etc. содержит компоненты «violence», «dishonor», «unprincipled action», что связано с эмоционально реакцией протеста и осуждения. ЛЕ «networks», «groups», используемые во множественном числе и передающие значение неопределенного количества, создают образ врага как некой аморфной, расплывчатой сущности, трудно идентифицируемой и потому чрезвычайно опасной. Следует отметить, что резко отрицательная оценочность более характерна для тех речей, которые посвящены эмоционально значимым событиям День Победы в Европе, годовщина событий 9 сентября 2001 года и находятся на пересечении военного и политического дискурсов.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, приходим к следующим выводам:

– торжественная речь, относящаяся к ритуальным или эпидейктическим жанрам институционального военного дискурса, характеризуется установкой на фатику, ориентацией на настоящее время, преобладанием терминологической, высокой и официальной лексики;

– основная функция торжественной речи – интегративная;

– официальный автор текста речи и создатель текста – не одно и то же лицо; создатель текста анонимен;

– адресат ритуальной речи – группа лиц, присутствующих на данном мероприятии; чаще всего речь обращена напрямую к групповому адресату, но в некоторых случаях обращение может отсутствовать;

– общедоступность речи сочетается с эзотеричностью;

– ритуальность преобладает над информативностью, а институциональный аспект – над личностным; в случае, когда речь находится на границе военного и политического дискурсов, роль личностного аспекта возрастает;

– ритуальной речи присуща неполнота информации и эксплицитная оценочность;

– эмоциональность и насыщенность речи стилистическими приемами зависят как от характера мероприятия, на котором она произносится, так и от функций, осуществляемых ее автором: чем более институциональный, «закрытый» характер носит мероприятие, тем более сдержанна, стилистически бедна и официальна речь; чем более представительские функции осуществляет автор речи, тем она ярче, стилистически насыщеннее и эмоциональнее.

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Данилова С. А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт. – 2014. – № 01 (январь). – ART 14004. – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2014/14004.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 14004 **УДК 811.111:355/359**

Ссылки на источники

1. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Саратов, 1998. – С. 185–197.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
3. Русакова О., Русаков В. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. –Екатеринбург, 2008. – 279 с.
4. Шейгал Е. И. Указ. соч.
5. Олешков М. Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) // Социокультурные проблемы в образовании: межвуз. сб. научн. трудов / Под ред. А. А. Вербицкого, И. В. Жуковой. – М.: РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2006. – С. 62–71.
6. Галиев Б. М. Общение в военном дискурсе. – URL: http://www.kls.ksu.ru.boduen/bogorart.php?id=5&num=7000000.
7. Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11,4(4). – С. 1055–1057.
8. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 2. – С. 259–266.
9. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 2(40). – С.53–59.
10. Аристотель. Риторика. Кн. 1 // Античные риторики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С.15–69.
11. Шейгал Е. И. Указ. соч.
12. Фахрутдинова Д. Р. Указ. соч.
13. Шейгал Е. И. Указ. соч.

Svetlana Danilova,
PhD student, the chair of the English language, Pskov State University, Pskov

ISSN 2304-120X
01
9 772304 120142

Discursive features of a military ritual text

Abstract. The author deals with the problems of the military discourse differentiation and with the peculiarities of a military ritual text. The author suggests the list of features that could be applied to analyze a ritual military text.

Key words: discourse, military institutional discourse, discursive features, ritual text.
References: 1–13 – Russian Sources.

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»;
Утёмовым В. В., кандидатом педагогических наук